

Доклад 51. Северные русские причитания: текст-ритуал (на примере одной локальной традиции Лешуконского района Архангельской области)

Наталья Николаевна Иванова

Этномузыколог, фольклорист, хормейстер,
этно-вокалистка.

Для меня, как для музыканта-фольклориста, русская идея выражена прежде всего через жанры традиционного русского фольклора, изучение музыки, поэтического строя, этнографии. Начинаешь понимать людей русской культуры. В своем докладе я бы хотела остановиться на одном из ярких жанров русского фольклора – это причитание или причет, заплачка, заплач, вой, вытье, голосьба, голошение. Это все синонимы причитания. Причитание – поэтический текст, исполненный на голос, с напевом и слезами. И это особым образом ритмизованная и образная речь. Для русской культуры этот жанр не уникален, но именно в севернорусской традиции жанр причитания наиболее развернулся и лучше всего сохранился.

Этот жанр характерен для многих мировых культур и является одним из древнейших видов народной поэзии. Мы знаем это из шумерского эпоса о Гильгамеше, литературы Древней Греции, Рима, и если письменная фиксация ранних плачей – это слезы по богам и героям, и именно им посвящены эпос и хроники, то есть первые записанные тексты, то поздние записи – это причитания по родным, близким, соседям. Что касается славянской культуры, то первое упоминание о причитаниях мы встречаем в «Повести временных лет», и речь идет именно о мужских плачах. Считается, что он архаичный. Сам жанр произошел именно в мужской традиции, это были причеты и воспевания ушедших богов и полководцев, воинские плачи, и лишь потом причитания становятся женским жанром. Больше всего материалов как раз сохранилось в исполнении причетниц-женщин. Их называли еще причетальщицы, плакальщицы или вопленницы. Тем не менее даже в современных традициях, бытовавших век назад у курдов и сербов, сохраняются специфические мужские плачи. Важно, что исследователи часто указывают,

что более архаичными являются именно коллективные плачи. Так, например, в «Илиаде» есть плач, где запевалами являются певцы мужчины, в ответ которым плачут хором женщины, и только после этого плачут уже родственники умерших.

В восточнославянской традиции у причитаний долгая история, они впервые упоминаются в XI веке в «Повести временных лет» и существуют сегодня, в XXI веке. Например, в 2017 году я записала в одной из вологодских деревень похоронный причет. Они до сих пор в традиции. С середины XIX века и далее возникает уже интерес и последующее изучение восточнославянского причета. В этом многообразии жанра именно севернорусский причет занимает особое место. Об этом и пойдет сегодня речь.

Выделяют похоронно-поминальные причитания, рекрутские причитания, причитания на случай и свадебные. Причитания образуют обширную область культуры, которая соотносена с обрядами перехода. Безусловно, основным контекстом причитаний является похоронный обряд, и им заданы параметры жанра. Прежде всего, это поэтика и языковая символика. Важнейшие свойства причитаний в том, что они хорошо слышны в мире мертвых. Это некая закодированная информация, которую воспринимает мир мертвых. Так считалось традиционными исполнителями. С этой точки зрения, исполнение причитаний в других обрядах, в том числе свадебных, в каких-то других ритуализированных ситуациях, например в причитаниях на случай, внеобрядовых, всегда является ссылкой на похороны. Свадебные причитания встречаются по большей части на тех территориях, где плачевая традиция особенно развита. Это как раз территория Русского Севера. Естественно, похоронные и поминальные свадебные причеты друг от друга значительно отличаются. Если в похоронных причетах речь идет о заслугах умершего, каким он был при жизни, как он пойдет на тот свет, что с собой возьмет, какое место себе найдет, то свадебные причитания – это переживания девушки, невесты по поводу окончания вольной девичьей жизни. Причитание выполняет особую обрядовую роль как способ перехода из одного социального статуса в другой. Девушка-невеста становится женщиной, замужней женщиной. В своем докладе я расскажу о свадебных причитаниях одной из северных традиций Лешуконского района Архангельской области.

Территория, о которой я рассказываю, находится на северо-востоке Архангельской области, на реке Мезени, впадающей в Белое море, граничит с республикой Коми, с Пинежским районом Архангельской области. Издревле этот регион был достаточно богат природными ре-

сурсами: это и пушнина, и морской зверь, и лесной зверь. Возможность выхода к морю обеспечивала жителям этого региона контакт через морские пути. Тем самым традиции Севера отличаются от материковой культуры.

Материал для моего исследования был предоставлен Российской академией музыки имени Гнесиных, записи были сделаны в 1980-х годах, и все зафиксированные причитания были от пожилых жителей, в то время им было около 80 лет. Соответственно, года рождения они 1910–1915, и косвенно можно предположить, по их рассказам о своей жизни и жизни своих соседей, что до 1930–1940 года свадебная традиция сохранялась, игранье свадеб было по традиционному типу. Пару слов скажу о свадебном обряде. Как и ритуал рождения, рекрутский и похоронный ритуалы – это обряд перехода, семейный обряд. В Лешуконской или Мезенской традиции свадебный обряд очень насыщен, развернут и представлен множеством обрядовых текстов-причитаний. В моем докладе речь пойдет о поэтических текстах-причетах и их месте в свадебном ритуале в соотношении «текст – ритуал». Безусловное доминирование причитания в оформлении мезенской свадьбы позволяет отнести свадебный обряд лешуконских причетных разновидностей севернорусского ритуала к типу «свадьба-похороны», в отличие от «свадьбы-веселья». Дело в том, что свадебный ритуал делится на две части: довенечную и послевенечную. Довенечная часть связана ритуально с отчуждением будущей невесты от своего родного гнезда, дома. Именно в этот период в изучаемом нами обряде звучат свадебные причитания. Достаточно редуцирована и условна вторая часть – праздничное застолье. Это уже приобщение к роду мужа. В южной традиции, наоборот, редуцирована больше первая часть, с минимальным количеством свадебных причетов, и усилена вторая часть, праздничная.

А сейчас речь идет именно о свадьбе-похоронах, где звучит множество причетов. На этой территории, о которой я рассказываю, насчитывается около 400 вариантов текстов. Это очень много для такой небольшой территории, и также они отличаются тем, что у них существует четыре самостоятельных напева, что тоже особенно. Послушайте, как эти причитания звучат. Причет из деревни Белошелье Архангельской области.

«Слышны причитания»

По информации, содержащейся в материалах экспедиций, в ряде деревень причитания называют «плаксами». Причитание сами народные исполнители называют по-другому. Одно из повсеместных названий – плаксы. Для обозначения самого исполнения причета практиче-

ски повсеместно фиксируется термин «голосить». Я буду приводить примеры и из этнографических текстовых записей.

«Рукобитие-то прошло. Она тады стала голосить. А неделю ведь целу голосили, да. Вот и станет голосить: “Уж я выйду, да лебедь бела”».

Также встречается в названии лексема «плакать» или близкий вариант «рыдать», «реветь».

«А как будут Богу молиться, невеста будет голосить, плакать. Она тут ему все выплатет. Отец невесты свети засветит и Богу молится».

И еще один термин – «вопить». Так, в повествовании о посиделках девушек уточняется: *«Тут не вопят, не поют, ничего. Так, просто разговаривают».*

Поскольку причет является основным музыкально-поэтическим жанром лешуконской свадьбы, он сопровождает все ключевые моменты довенечной части. Это богомолье, сам подготовительный период. Срок, включавший в себя молодежные вечеринки, или вечереньки, обходы родни с приглашением на свадьбу, рукобитие, расплетение косы, банный обряд и прощание с красотой, девичник. Утро свадебного дня, собиранье и благословение невесты перед увозом к венцу. В данной традиции существуют две исполнительские версии причитания: сольная и групповая. Но групповая лидирует. Как я уже говорила, многие исследователи считают именно групповой причет более архаичным. Сейчас в традиции это не сохранилось. Фиксируются только фрагменты из сольных причетов. Как я уже сказала, причитания начинают звучать после рукобития, во время богомолья. Это обрядовая практика, которая скрепляет окончательный договор о свадьбе. Жених и невеста обмениваются подарками, как знак того, что все согласны. Если до рукобития можно отозвать сватовство, то если уже состоялось рукобитие, затем богомолье, а свадьба после этого отменялась, то в деревне после такого отказа к девушке могли больше и не прийти свататься. Поэтому это очень важный эпизод свадебного обряда. Он включает совместные моления, и знаком к нему является зажигание свечей отцом невесты, и если невеста замуж шла не по своей воле, то она старалась затушить их.

«Когда свадьбу засватали, вот тогда и свички отец зажигает. Как насилу отдают, так она бросается тушить, а ненасилу, так не гасила».

И, обращаясь к отцу с просьбой не начинать молений, невеста говорила:

«Не вставайся-ка родный, Солнышко, на свои да резвы ноженьки».

Именно после богомолья невеста приобретала особый статус, определяемый переходным характером свадебного ритуала. Начинали невесту называть княгиней. С этого момента начинался период подготовки,

который назывался «строг». Это срок до свадьбы. Также причитаниями невесты и подруг насыщен и канун свадебного дня. Они сопровождали следующие эпизоды приглашений родственников на свадьбу – «Невеста ходит по родникам», девичник. В него входил банный ритуал и обряд расплетения косы. Обходя родственников, невеста причитала: *«Я иду, да лебедь бела. По чужу, да светлу светлицу»*. Если невеста была сирота, то здесь выделялись отдельные причеты, она причитала над могилой умершего родителя, призывая его на свадьбу: *«Ходила я да лебедь бела на высоко, да слезно кладбище, да ко всему да роду-племени»*.

Целая группа причитаний сопровождала банный ритуал, когда невеста просила затопить баню, отвести ее туда и поискать там утраченную красоту как символ девичества.

«В мою, да жарку баеньку. Во последний ... по воды, да ключевой». Вот так она причитывала.

И завершает цикл причитаний обряд передачи невесты перед отъездом под венец. Невеста обращалась к отцу и голосила: *«Уж ты мой, да красный солнышко, уж ты повыкути меня, да повырути, из-за столов, да из-за дубовых, из-за скатереточков, да из бертяты, От чужих, да от людей добрых»*.

И заканчивала причитать следующими словами:

«Повыкути меня, да повырути. В чем я тебя накутила, да напрокутила».

Вся поэтическая строфа оформляется в двухударном девятисложном тоническом стихе, но количество слогов в периоде может увеличиваться за счет внутрислоговых распевов и доходить до тринадцати и за счет вставок-междометий:

«Повыкути меня, да повырути», «Я пойду, да лебедь белая, от чужих, да от людей да добрых».

Далее я хотела бы перейти на функциональную часть, которую на себя берут причитания. В большей части причитания – вербальный компонент. Комментирует функцию в обряде. В поэтических текстах подробно комментируется и объясняется все происходящее, например во время богомолья, когда невеста обращается к отцу с просьбой не зажигать свечи. Представляет собой развернутое описание всех действий. Невеста кланяется, обращается к отцу. В ответ отец поднимается, обращается к ней, берет с печей спички и зажигает свечи. После этого происходит коллективное моление. Хочу зачитать весь текст, чтобы вы послушали специфику речи северного диалекта – как формируется сам причет.

«А уж ты послушай, ты мой Красный Солнышко, да я об том же прошу, канаюся. А я об том низко преклоняюся. А я вербой стою, да избегаюся. А я тервой стою, да извиваюся. А ты на полыти, да на дубовые. А на перекладинки, да на положенье. А ты не ходить-ко, мой красный Солнышко, да ты на кирпичной, да жаркой печенье. А ты не берить-ко, да Красный Солнышко, а уж ты спичечьки, да нонче витрино. А ты не засвечивай да свечи сальные. Да свечи сальные, шнуры бумажные. А ты не молись-ко, да мой Красный Солнышко. А ты со чужима, да с людьми недобрыма. А ты со чужого, да сына отеческого».

Вот такой пример из деревни Вожгара Лешуконского района. Еще я хотела сказать о различных ритуальных предметах и действиях с ними, которые используются в причитании. Любопытно, что зачастую такой предмет только называется, а в самом обряде или же в какой-то конкретный момент, когда звучит причитание, не фигурирует. Он может возникать лишь в воображаемом ритуальном пространстве. Однако его появление и невербальное обозначение всегда фиксирует определенную стадию ритуала и отмечает его значимый этап. Это обусловлено тем, что такие предметы, имеющие в сознании носителя традиционной культуры определенное семантическое значение, выполняют символическую знаковую функцию в обряде. Одним из обрядовых терминов, заслуживающих особого внимания, является красота, которая является одновременно и предметом, и неким виртуальным образом. С одной стороны, красота – это название девичьей повязки с лентами (головного убора).

«И уж я стану, да лебедь белая. А без трубчатой косы бесчисленной, а уж ты примит-ка, да лебедь белая, уж мою да дивью красоту. А уж ты носит-ка, да лебедь белая, а уж ты носит-ка да не жалеючи».

Речь идет о предмете. Вместе с тем красота – символический образ, раскрывающийся в удивительных поэтических текстах причитаний. Это, в частности, эпитет косы. «Коса-краса». Коса отправляет девушек в баню за красотой: «Невеста станет посылати по косу девичью, по красу». При этом очевидно, что коса невесты осталась при ней. Речь идет именно о красе-косе как о символе девичества. Одновременно красота – синоним девичьей воли, «Волюшка-красота».

«Я волю относила, отходила, да открасовалася. На своей да вольной волюшке, на своей да дивьей красоте».

Понятия «воля», «коса», «краса» связаны и синонимически, и семантически в текстах, причетах и рассказах, на свадебном обряде они могут встречаться в самых разных комбинациях, например, «воля-коса». *«За мою волю ту волюшку, и за трубятю косу бесчисленну»*.

Отметим еще такую подобную семантическую пару «трубятя коса – буйная голова», в которой образ буйной головы символизирует девичью жизнь, в их поэтических текстах воплощается в связи с идеей ее утраты.

«А пришли люди-нарушители с трубятной косы, разорители буйной головы, пришли люди-то незнакомья, и за моей-то пришли буйной головой. И за природной моей трубятной, да с дорогими-то лентами алыми».

Наиболее ярко раскрывается образ красоты, когда невеста посылает за ней девушек в баню. Здесь красота приобретает черты некоего живого существа, наделенного волей, речью и даже уже враждебного невесте. Отделяясь от невесты, красота становится для нее чужой, возводит напраслину на невесту. *«Твоя-то дивья красота сидит, и судину за тебя творит».* *«Почто не в тести ты ее держала, не в чести, да не в почете. Худо будто мыла буйну голову. Так вот оставила ты дивью красоту».*

Красота обладает зооморфными свойствами: подобно птице, она может улететь, вспорхнуть, сесть на дерево.

«Вспорхнула тут дивья красота, вспорхнула да улетела. Улетела за морюшко-то за синее. За полюшко да за березоньку».

В поэтических текстах красота не только совершает какие-то действия по своей воле, но и становится объектом принудительного воздействия. Например, ее могут разорить, отогнать.

«Уж я совсем-то бедна, да дозналася. Я сама горя-то догадалася. Что они не купцы-то, да не торговые, а разорители дивьей красоты. Отгонители да вольной волюшки».

В таком частотном поэтическом мотиве красота садится на березу, и происходит соединение двух образов-символов, связанных с девичеством. Это девичья красота и кудрявая березонька. Воображаемое действие, в ходе которого уничтожаются девичьи атрибуты. Брак как бы рассекает березу, и красота улетает за синее море. Это кульминационный ритуал. Погибает береза, умирает красота, отправляясь за морюшко синее. Преодолевает черту в мифологическом пространстве этот и тот свет.

«Иссек березу кудряву, и дивья красота улетела за морюшко-то за синее».

Вот так, посредством сложной системы поэтических образов, воплощается идея расставания невесты с девичеством, ее отторжения от девичьего рода. Причем образ красоты в поэтической системе свадьбы несет на себе важнейшую смысловую нагрузку. Еще один персонаж, который не участвует в свадебных причетах, – это добры молодцы, которые в текстах представлены как воображаемая встреча молодых и девушек, которые несут в тальянском платке невестину красоту.

«Нам встретились молодцы удалые. Они стали нас упрашивать, стали уговаривать, стали нас подарками задаривать. Пенитьками да сладкими. Калатиками да крупистыми. Конфеточками сладкими. Они согласились, да развязали ребятам-то молодцам, да удалым».

Вот такая тенденция к сочетанию в свадебных текстах реального и воображаемого распространяется не только на предметы и персонажные ряды в текстах, но и непосредственно в функциональную часть обряда. При детальном рассмотрении деталей обряда и соотнесении его с поэтическими текстами обращает на себя внимание, что реальные обрядовые действия, такие как прощание с красотой, посещение невестой бани, и акциональный ряд, отображенный в текстах причитаний, существенно различаются. В значительной части текста действие переносится в область условного, в мир мифологических образов. И тогда свадебный ритуал начинает разворачиваться не только в реальном времени и пространстве, но и в особом воображаемом пространственном логосе, где действуют свои законы организации времени и места. О подобном сочетании и противопоставлении в двух пространствах говорил Байбурин Альберт Кашфуллович, современный исследователь, фольклорист, антрополог. Он говорил о том, что особенности пространственного хода ритуала обусловлены наложением двух систем восприятия пространства: концептуальной и топографической. Концептуальная выражается главным образом в словесных текстах, а топографическая – в ритуальных действиях. Ярким примером, демонстрирующим соотношение двух пространственных локусов, является вышеупомянутый обряд прощания с красотой. Возвратившись из бани, невеста в причете обращается к девушкам и просит их вернуться в парную баньку и забрать забытую дивью красоту.

«Вы послушайте-то, белы-лебеди. Вы задушьи мои подруженьки. Уж я мылась да в жаркой баньке. Уж я мылась, да уж забылась. Я забыла да дивью красоту во своей да жаркой баньке».

Девушки, следуя просьбе невесты, на самом деле выходят, как будто исполнить поручение невесты. Она сидит, будто они пойдут и возьмут. Между тем добры молодцы им в действительности не встречаются. И не забирают дивью красоту, завернутую в тальянский платок. Они не находят. Возвращаясь, девушки рассказывают в причете о поисках красоты, о том, что она улетела на березоньку белую. Примечательно, что и брат, упоминаемый в тексте ранее, тоже не совершает никаких действий:

«А брат-то будто сходил да иссек. Да боле уж не вернется красота».

Спрашивают, брат выходит куда-то? Никуда не выходит. Так, только на словах!

Вот подтверждение сочетания двух пространств: воображаемого и реального. Аналогичным образом происходит благословение невесты умершими родителями, и примечательно, что по такому же типу устроен и причет о благословении живых родителей в доме невесты.

«И раскройся, гробова доска! Отойдите руки от сердца. И откройте, очи ясные! И подогнитесь, ноги резвые! Уж ты встань, восхоже Солнышко! Уж ты встань, да повыстои! Уж ты дай, да благословеньице, чтобы твое да благословеньице берегло меня, да охранило, да во вся веки долгие. От пурги, да от падерги. От истой, да заметелицы... Я у Спаса да прошу милости. Я у папеньки, да благословеньица. Благослови ты, да родный папенька. А крепким божьим-то благословеньицем. А кабы твое да благословеньице и берегло да меня хранило. И впереди меня шло бы катило».

Причет, который исполняется на кладбище, описывает воображаемый диалог с умершими родственниками, а также прочит их предстоящее гостевание и незримое присутствие на свадьбе.

«Она походит замуж, дак на кладбище-то тоже ходила раньше. Дак она придет, да дома-то матери поплатит. Я ходила, да лебедь бела на высоко, да слезно кладбище. Я звала, да просила родных, да родителей всех. Я звала, да просила, да придут, да родны родители, придут, да придут, и прймайкося, да приглашают. Ласточкой-то да доброточкой. Столами-то дубовыми. Чайми-то душистыми» (пример из деревни Вожгара).

И вот я хочу сделать такой вывод о том, что лешуконский свадебный обряд, благодаря невербальному коду, реализованному в причитаниях, представляется чрезвычайно развитым и насыщенным множеством мифологических образов, персонажей и действий. Именно поэтические тексты причитаний в полной мере отражают сложный и длительный путь невесты, связанный с переходом ее в новый социальный статус.

Я сегодня рассказала о поэтических текстах, а доклад о музыкальной стороне – это уже другое самостоятельное выступление, поэтому я на этом остановлюсь. Спасибо за внимание!

Доклад 52.

Метамодел «Большая Евразия»: концептуальное проектирование, участь – основание – отношение

Олег Викторович Гринько

Практикующий философ. Директор компании «Т-Система»: формальные онтологии и Инжиниринг знаний. Лидер школы Онтологического мышления.

Доброго дня, коллеги и соучастники! Очень хотелось бы в моем разговоре, в который я бы хотел вовлечь максимальное количество людей, увидеть возможность совместной практики. Где философия – это именно практика, и, как практику, мне очень часто вспоминается высказывание Александра Васильевича Пятигорского о том, что он любит любить мудрость, любит философию, где любить мудрость – быть в состоянии и быть в движении.

Философия – состояние движения, постижения любви и мудрости, где ты обретаешь состояние равновесия и устойчивости. И, находясь в таком состоянии, выравниваешь и соединяешь любовь, закон, пользу и через это обретаешь красоту, предсказуемость и здоровье своего существования. И такое состояние иначе называется состоянием покоя. А быть в таком состоянии здесь и сейчас я считаю нашей задачей, нас, собравшихся здесь и сейчас. И если таковое состояние обретается, такая целеположенность нами ухватывается, то мы как раз и находимся в любви и мудрости, или в мудрости и любви – к той самой философии. Что очень важно для практики – это то, что именно в состоянии покоя должно находить себя для предпринятия решений, потому что такого класса решения как раз и позволяют нам достигать точности решений, когда ты осуществляешь выбор как угадывание. Когда ты в состоянии покоя, ты обретаешь тот самый необходимый задел безопасности, ты способен к предсказанию, попадаешь в некое предчувствие, предощущение о последствиях твоего движения. Ты это свое движение способен как совершить, так и остановить и не потерять себя. И в то же время провести себя в свой следующий образ, в желаемое будущее. В нем ты становишься уместным, своевременным и в должном состоянии.